

УДК 811.111'42:811.111'38

DOI 10.17516/2311-3499-031

ДЕЗИНФОРМАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ ПРОТИВ РОССИИ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕДИАТЕКСТОВ О ХАКЕРСКИХ АТАКАХ)

М.А. Самкова

Данное исследование призвано расширить методологический инструментарий лингвистики, учитывающий прагматический, статистический и структурный аспекты информационно-психологической войны. Основная задача исследования – сопоставить и проанализировать медиатексты о хакерских атаках с целью определения способов реализации дезинформации в англоязычных медиатекстах. В данной статье мы использовали следующие методы: лингвопрагматический анализ, подсчет частотности слов, метод позиционного анализа и методику исследования лексических ритмов суггестивного текста. Подсчет частотности слов позволил выявить прагматически маркированные лексемы – лексические единицы с прагматическим компонентом содержания, структурообразующие элементы – повторы одинаковых словоформ. Применяв метод позиционного анализа, мы выявили признаки структурной организации дезинформирующего медиатекста. К ним относятся гипертекстуальность и ритм, обладающий суггестивным воздействием. В результате лингвопрагматического анализа мы определили, что к собственно лингвистическим особенностям относится ритмическое распределение прагматически маркированных лексем, создающих оптимальную для восприятия форму текста. Мы обнаружили элементы суггестивного воздействия и манипулирования: описательный тип текста, в котором содержатся повторы, эвфемизмы, эмоционально окрашенная лексика, используются приемы генерализации и метонимии. Вывод: прагматически маркированная лексика соответствует содержанию внушения. Прагматически значимые лексические единицы многократно повторяются в медиатексте и включают текст в состав тематически связанного гипертекста, что усиливает манипулятивный эффект дезинформации. Рассматриваемые нами дезинформирующие медиатексты используются в качестве средства ведения информационно-психологической войны против России.

Ключевые слова и фразы: медиатекст; дезинформация; речевая манипуляция; суггестия, ритм.

DISINFORMATION AS A MEANS OF INFORMATIONAL AND PSYCHOLOGICAL WARFARE AGAINST RUSSIA (THE RESEARCH OF MEDIA TEXTS ABOUT CYBERATTACKS)

M.A. Samkova

The paper is meant to develop the methodology of linguistics of information-psychological warfare taking into account the pragmatic, statistical and structural aspects. The research objective is to analyze, compare and contrast media texts about cyberattacks to identify linguistic features of disinforming media texts. The linguopragmatic and positional analyses, word frequency counting, and the technique of distinguishing lexical rhythms are used to find out markers of suggestion and persuasion in media texts. Word frequency helps to identify pragmatically marked lexemes, i.e. lexical units with a pragmatic component, and structure-forming elements that are repeated word forms. The positional analysis reveals the structural organization of disinforming media texts. The suggestive effect is created by the rhythmical structure and hyperlinks. The linguopragmatic analysis determines the rhythmic distribution of pragmatically marked lexemes creates the

optimal text form as well as identifies suggestive and manipulative elements such as repeated and emotionally marked words, euphemisms, metonymy, description and generalization. We conclude that pragmatically marked lexemes, which are frequently repeated, along with thematically related hyperlinks increase the manipulative effect of disinformation. Disinforming media texts are used as a means of information and psychological war against Russia. The texts invoke negative public sentiments and eventually influence the public opinion.

Keywords and phrases: *media text; disinformation; persuasion; suggestion; rhythm.*

1. Введение

На данном этапе гуманитарная наука располагает значительным количеством психологических и лингвистических исследований, в которых описываются и анализируются различные методы и средства для управления сознанием человека. Однако чисто эмпирического описания методов и приемов манипуляции сознанием недостаточно. Проблема ориентации личности должна рассматриваться на более фундаментальном уровне и в рамках более широкого контекста – с позиций исследования роли текста в восприятии окружающей действительности.

В эпоху информационно-психологической войны (далее – ИПВ) существует опасность воздействия дезинформирующего медиатекста на восприятие и формирование мнения читателя. Большие потоки информации, которые могут изменяться в режиме реального времени, снижают критичность восприятия, усиливая воздействие дезинформации. Актуальность настоящего исследования связана с потребностью определить воздействующий потенциал дезинформирующего медиатекста. Цель данной статьи заключается в изучении приемов реализации стратегии дезинформации в медиатексте.

Разрабатывая проблему дезинформации, речевой манипуляции, в том числе суггестии, в рамках такого подхода, как лингвистика ИПВ, необходимо уточнить основные положения: кто является актором данной войны, кто или что выступает объектом и мишенью, что понимается под дезинформацией.

Американская газета «The Washington Post» (Вашингтон пост) адресована широкому кругу читателей, она имеет интернет-версию в открытом доступе на сайте <https://www.washingtonpost.com>, следовательно, объектом ИПВ выступает сознание не только жителей США, но и других англоговорящих читателей по всему миру. Газета «Вашингтон пост» относится к качественной прессе, ссылающейся на авторитетные источники. Однако в эпоху кризиса современной журналистики направленность показать новость нужного читателю формата постепенно распространяется на стилистику качественных газетных статей, которые стремятся оправдать ожидания читателей, а не представить объективное исследование. Хотя обозреватели «Вашингтон пост» имеют возможность участвовать в ежедневных брифингах Белого дома, они эпизодически ссылаются на анонимные источники. В интернет-версии изучаемого издания также обнаружены тексты, содержащие дезинформацию.

Мы полагаем, что необходимо изучать интернет-версии газет, так как 70 % запросов издания приходится на Интернет или мобильные версии газет (данные представлены на начало 2017 года) [Breiner. URL: <https://ijnet.org/en/blog/inside-washington-posts-winning-business-model> (дата обращения – 21.01.2018)]. Актуальность исследования медиатекстов, размещенных в сети Интернет, обусловлена тем, что журналисты имеют возможность корректировать содержание текста в режиме реального времени. Таким образом, становится сложнее отследить дезинформацию.

В большинстве статей «Вашингтон пост», в которых упоминается Россия, наблюдается отрицательный настрой по отношению к данной стране. Это приводит к следующему умозаключению: «Вашингтон пост» является авторитетным источником, принимающим участие в

ИПВ. Это, в первую очередь, обусловлено антироссийской риторикой правительства США [U.S. Relations With Russia. URL: <https://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/3183.htm> (дата обращения – 11.03.2018)], точку зрения которого отражает газета «Вашингтон пост». Журналисты данной газеты создают неблагоприятный образ России, иногда прибегая к дезинформации. Информационно-психологическим оружием являются медиатексты – статьи, опубликованные на сайте данной газеты.

Всего нами проанализировано 47 медиатекстов, размещенных на официальном сайте газеты «Вашингтон пост». Тематика исследуемых медиатекстов – хакерские атаки. В результате исследования выявлено, что 10 % проанализированных газетных статей содержат элементы дезинформации.

Мишенью в исследуемых нами текстах выступает Россия, а именно российское правительство, которое, как указано в изучаемых текстах, нанимает хакеров для взлома, проникновения и разрушения стратегически важных систем в зарубежных странах. Начиная с 2014 года, формируется образ российских хакеров, которые производят атаки на электроэнергетические сети, сайты и системы избирательных штабов и кандидатов на пост президента в США и странах Европейского Союза. Цель ИПВ – дискредитация России и российского правительства, подрыв доверия со стороны международного сообщества и, как следствие, уменьшение влияния России в мире.

Основная стратегия, изучаемая в рамках данной статьи – стратегия дезинформации. Анализ частотности лексем в определениях понятия «дезинформация», показывает, что дезинформация – это распространение заведомо ложных сведений с целью ввести в заблуждение. С помощью программы Wordstat мы проанализировали 23 определения понятия «дезинформация» из отечественных словарей [Анцупов, Шипилов 2006: 81; Большой толковый словарь русского языка 2000: 246; Большой толковый социологический словарь. URL: <https://goo.gl/gExwkA>; Большой энциклопедический словарь. URL: <https://www.vedu.ru/bigencdic/17815/>; Борисов 2003; Военно-юридический энциклопедический словарь 2008: 29; Война и мир в терминах и определениях 2004; Давлетчина 2005: 16; Епишкин 2010; Краткий словарь оперативно-тактических и общевоенных слов (терминов) 1958: 98; Краткий словарь-справочник по психологии 2004; Краткий философский словарь. URL: http://platona.net/board/filosofskij_slovar/dezinformacija/1-1-0-118; Пограничный словарь 2002: 15; Райзберг, Лозовский, Стародубцева 2011; Санжаревский 2016; Словарь бизнес-терминов 2001; Словарь военных терминов 1988; Словарь русского языка 1999; Словарь терминов. URL: <http://www.economicportal.ru/term-words/word-d1.html#d63>; Советский энциклопедический словарь 1990: 371; Финансовый словарь. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/fin_enc/?f=0JTQktCe0Jk=&t=0JTQtdC/0L4=&nt=194&p=1; Энциклопедический словарь экономики и права on-line. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_economic_law/?f=0JTQkNCg0J4=&t=0JTQldCd0JU=&nt=232&p=2; EdwART 2010]. Частотные лексемы (ключевые слова) в определениях указывают на то, что при применении стратегии дезинформации, адресант намеренно выдает ошибочные сведения за правду. Представим фрагменты определений (в круглых скобках указана частотность ключевой лексемы): заблуждение (7), распространение (6) заведомо (4) ложных (6) сведений (8) для достижения политических (3), военных (3) и иных целей.

Отобранные определения дезинформации не учитывают один важный аспект, который отличает дезинформацию от ложного высказывания. Как утверждает ряд ученых (Н. Грант; Р.Р. Гарифуллин; А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов), дезинформация соответствует желаниям и ожиданиям общества, тогда как ложь не считается соответствующей взглядам и мнению, как минимум, адресанта. Дезинформация ориентирована на реципиента, готового к восприятию. В сочетании с правдивой информацией, известной реципиенту, дезинформация как искаженная, ненужная или неполная информация имеет высокий кредит доверия и будет лучше и легче воспринята. Под кредитом доверия мы понимаем предрасположенность реципиента к некритическому восприятию дезинформирующих

сведений, которые соответствуют его установкам. Стратегия дезинформации поддерживается подготовленностью реципиентов к восприятию негативного образа России. К ложным предположениям и выводам реципиент может прийти в случае, если он подвержен: 1) воздействию СМИ, которые часто мулсируют новости, подрывающие имидж и доверие к России; 2) речевому воздействию, обусловленному в основном текстообразующим фактором, а именно оптимальностью для восприятия формы текста, а также наличием элементов суггестии и манипулирования. На структурном уровне основным средством суггестии является ритм. Суггестивный эффект дезинформирующего медиатекста также выражается в недосказанности, которая заставляет читателя делать неправильные выводы, дополняя их субъективными представлениями.

2. Структурная организация дезинформирующего медиатекста

Первый фактор, намеренное распространение определенных новостей в СМИ, обусловлен частотой публикации статей о российских хакерах и гипертекстуальностью, которая создается в медиатексте посредством ссылок на связанные по содержанию тексты.

Мы обнаружили, что гиперссылки расположены в наиболее оптимальных для восприятия интервалах текста. Под интервалом, вслед за Г. Г. Мокальчук, мы понимаем «элемент структурной самоорганизации текста» [Мокальчук 2003: 130], промежуток от одной позиции до другой. Всего выявлено 7 позиций как результат анализа статистических данных о расположении ритмообразующих элементов в поэтических, прозаических текстах и в разговорной речи. Позиции и интервалы представлены на Рис. 1 в виде матрицы.

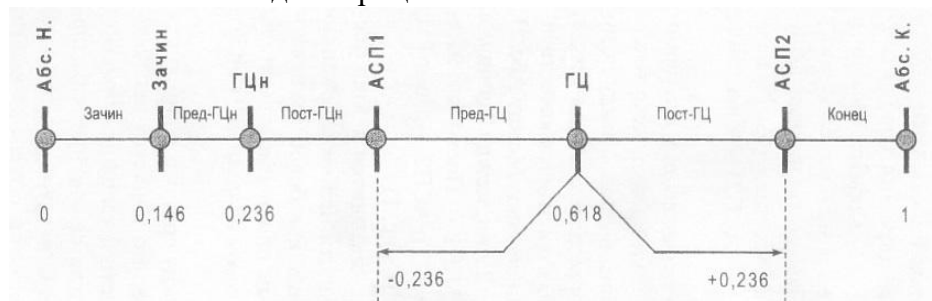

Рис. 1. Метроритмическая матрица [Ронжина 2008: 522]

В отобранных и проанализированных медиатекстах газеты «Вашингтон пост» с 2014 по 2018 гг., в которых реализуется концепт «Russian hacker» (русский/российский хакер), наиболее высокая частота публикаций наблюдается в период с июня по октябрь 2016 года. Новости о взломе электронной почты национального комитета демократической партии российскими хакерами стали массово распространяться после того, как электронные письма были опубликованы на сайте DCLeaks в июне и июле 2016 г. и на сайте мультинациональной медиаорганизации и объединенной библиотеки WikiLeaks 22 июля 2016 г. По версии газеты, Джон Подеста, начальник избирательного штаба Х. Клинтон, получил электронное письмо с инструкцией по изменению пароля, которое позволило хакерам получить доступ к его аккаунту 19 марта 2016 года (Vitkovskaya, Granados, Muyskens 2018). В медиатексте, опубликованном в мае 2016 года, директор национальной разведки США Джеймс Клеппер утверждал, что предпринимались попытки хакерских атак. В его речи нет упоминаний о России и российском правительстве. Однако в статьях, опубликованных в июне 2016, журналисты указывают на причастность России и российского правительства к хакерским атакам. В январе 2017 года был опубликован доклад специальных служб США, в котором утверждалось с высокой степенью уверенности, что Россия совершила хакерскую атаку на избирательную систему в США. В публикациях, датированных 2018 годом, практически отсутствуют упоминания о хакерах и хакерских

атаках. Фокус внимания журналистов сместился на описание попытки России подорвать веру в демократические выборы в США путем распространения новостей в социальных сетях.

Американские СМИ, в частности анализируемая нами высокорейтинговая газета, внесли большой вклад в создание и распространение мирового бренда «русский хакер». Лексические единицы сематического поля «Russia» (Россия) встречаются 62 раза в заголовках. Это связано с поисковой оптимизацией, в требованиях к которой значится, что заголовок должен быть привлекательным, в него должны входить ключевые слова, и желательно их размещать в начале заголовка. Все медиатексты, опубликованные в Интернете, создают информационный пузырь, который перенасыщен новостями по одной тематике (Таблица 1). Ссылки, комментарии, «лайки» как знаки одобрения и «репосты» – акты копирования записи на страницу в социальной сети, усугубляют ситуацию тем, что создают ложное впечатление о важности и правдивости освещаемого события. Следовательно, поисковые системы могут влиять на общественное мнение. В зарубежной научной литературе данный феномен обозначается как SEME (search engine manipulation effect) – манипуляционным эффектом поисковой системы.

Таблица 1. Количество поисковых запросов по ключевым словам «Russian hacker» в поисковых системах (дата обновления – 10 января 2018 г.)

Количество запросов	Название поисковой системы	Краткая характеристика системы
34,000,000	yandex.ru	русская поисковая система
29,400,000	yahoo.com	мировая англоязычная поисковая система
29,200,000	bing.com	мировая англоязычная поисковая система
4,770,000	google.com	мировая англоязычная поисковая система
3,050,000	mysearch.com	мета-поисковая система
387,000	baidu.com	мировая, неанглоязычная (китайская) поисковая система
205	search.com	мета-поисковая система

В отличие от поисковой системы, мета-поисковая система позволяет транслировать запрос в несколько поисковых систем одновременно, используя разные способы ранжирования. Однако данные системы демонстрируют худший результат, чем поисковые системы. Мета-поисковая система search.com включает результаты из тематической сетки сайтов CBS (Си-Би-Эс), американской телерадиокорпорации. Поэтому выбор источников, представленных в данной системе, ограничивается новостными блоками и обзорами Си-Би-Эс.

Важно отметить, что в медиатекстах наблюдается постепенное увеличение частоты использования словосочетания «Russian hacker», начиная с 2014 г. Частота достигает своего максимального показателя в 2016 году: около 10 % от объема всего текста, измеряемого в словоформах. Иногда словосочетание «Russian hacker» (русский/русский хакер) заменяется следующим словосочетанием «Russian government hacker» (хакер русского правительства). Это может быть связано с тем, что журналисты стремятся к точности высказывания. Как утверждается в разных источниках, хакерские атаки были совершены хакером из Румынии, а не из России, и спецслужбы США утверждают о причастности этого хакера к русскому правительству. В октябре 2016 года в газете публикуется статья о том, что правительство США официально обвиняет Россию в проведении хакерских атак. Далее следуют статьи о наказании России и о том, что Россия, в

частности Владимир Путин, отрицает свою причастность. В январе 2017 года журналисты публикуют статьи о новой угрозе – хакерской атаке России на электросети США, которая впоследствии опровергается, и на страницах газеты появляется заметка редактора, в которой приносятся извинения за неточности.

В качестве примера рассмотрим более подробно четыре медиатекста, три из которых созданы одним автором – журналистом газеты «Вашингтон пост», репортером, анализирующим события, связанные с национальной безопасностью США. Один из представленных текстов содержит дезинформацию. Именно в дезинформирующем медиатексте обозреватель ссылается на другие медиатексты, в силу чего мы рассматриваем данный текст как гипертекст:

- 1) дезинформирующий медиатекст (Nakashima 12.06.2017);
- 2) первый медиатекст, на который ссылается автор газетной статьи, упомянутой в предыдущем пункте (Nakashima.05.01.2016);
- 3) второй медиатекст (Nakashima 13.10.2014);
- 4) третий медиатекст (Miller 06.01.2017).

В совокупности все четыре текста также создают гипертекст. Публикации, автором которых является Э. Накашима, последовательно формируют образ российского хакера. В каждом тексте автор настойчиво утверждает, что хакерские атаки напрямую связаны с российским правительством. Э. Накашима приводит ссылку на статью другого автора, в которой большое количество эмоционально окрашенной лексики, например, авторы заявляют: *Russia carried out a comprehensive cyber campaign to sabotage the U.S. presidential election, an operation that was ordered by Russian President Vladimir Putin and ultimately sought to help elect Donald Trump* (Россия провела обширную киберкампанию, чтобы **саботировать** президентские выборы в США; операция была совершена по приказу российского президента Владимира Путина и, в основном, была призвана способствовать избранию Дональда Трампа – здесь и далее перевод наш); *The report depicts Russian **interference as unprecedented in scale*** (Доклад описывает **вмешательство** России как **беспрецедентное по своим масштабам**); *it amounts to **an extraordinary postmortem of a Russian assault on a pillar of American democracy*** (это доходит до **экстраординарного разбирательства обстоятельств подрыва** Россией основ американской демократии). Эмоционально окрашенная лексика усиливает эффект дезинформирующего контекста, который создает отрицательный образ России.

В дезинформирующем тексте «Russia has developed a cyberweapon that can disrupt power grids, according to new research» (Россия разработала кибероружие, которое может подорвать работу электроэнергетических систем, согласно новому исследованию) (Nakashima 12.06.2017) гиперссылки расположены в непосредственной близости от следующих структурных позиций: Зачин и Абсолютно Слабые Позиции 1 и 2 (далее АСП 1 и АСП 2), выявленные с помощью позиционного анализа (Г.Г. Москальчук). Размещенная рядом с позицией Зачин гиперссылка сохраняет когерентность текста. Она вписывается в ритмическую структуру, будучи связанной с последующим предложением цепным видом связи: имя существительное *attack* (атака) заменяется местоимением *it* (она) в последующем предложении. Расположенные вблизи к позициям АСП 1 и АСП 2 гиперссылки становятся частью индивидуального ритма структуры целого. В данных интервалах (пост-ГЦн, пост-ГЦ) структура асимметрична в силу того, что уменьшается количество повторов, так как приводятся цитаты из речей экспертов.

В среднем в каждом медиатексте содержатся две ссылки. Ссылки могут быть оформлены двумя способами: 1) отдельная часть предложения является «кликабельной» и часто выступает ссылкой на сторонние источники, например, в тексте «Russia has developed a cyberweapon that can disrupt power grids, according to new research» (*according to new research* – как указано в новом исследовании), 2) в квадратных скобках приводится заголовок схожей по тематике статьи того же издания. В статье

«Russian government hackers penetrated DNC, stole opposition research on Trump» (Хакеры российского правительства проникли в Национальный комитет демократической партии, украли компрометирующую информацию на Трампа) (Nakashima 14.06.2016) приводится 8 ссылок. При переходе по первой ссылке на другой медиатекст реципиент обнаружит упомянутую в предыдущем тексте цитату и ссылку на текст, с которого произведен переход. Таким образом создается кольцевая ссылка: два текста «Russia denies DNC hack and says maybe someone ‘forgot the password’» и «Russian government hackers penetrated DNC, stole opposition research on Trump» логически связаны и создают впечатление развития события. В ранее опубликованном медиатексте «Russian government hackers penetrated DNC, stole opposition research on Trump» российское правительство обвиняют в атаке. В другом медиатексте «Russia denies DNC hack and says maybe someone “forgot the password”» рассматривается та же самая новость, но с иной позиции: делается акцент на том, что российское правительство отрицает свою причастность к хакерской атаке.

Результаты позиционного анализа, проведенного с помощью метроритмической матрицы, показывают, что наибольшее количество ссылок расположено рядом с позицией АСП 1. Статистически доказано, что в указанной позиции «регулярно наблюдается разрыв синтаксической ткани текста» [Москальчук 2003: 57], так как данная позиция «обслуживает дискретность структуры текста, формальную и смысловую изоляцию его частей как композиционных зон текста» [Там же: 57]. Вероятно, журналисты интуитивно помещают ссылки вблизи абсолютно слабой позиции. В перспективе планируется провести эксперимент с целью установить частоту перехода на другой медиатекст по ссылке, расположенной в позициях, в которых сопрягаются важные композиционные области: начало, центр и конец. Тем самым мы сможем дополнить исследования ритма текста как средства суггестивного воздействия.

Проанализировав гипертекст, который создан путем включения ссылок в медиатекст, определив частоту публикаций и ключевых слов, мы приходим к выводу, что СМИ создают выгодное актору ИПВ пространство, в которое попадает читатель, что впоследствии влияет на его восприятие и формирование мнения. Информационный пузырь, созданный гиперссылками и системами, которые располагают популярные ранее просмотренные новости вначале, постепенно исключает плюрализм мнений и со временем ведет к формированию предубеждений и предрассудков.

3. Лингво-прагматическая организация дезинформирующего медиатекста

Часто дезинформации предшествует готовность реципиента к ее восприятию. Благодаря своей влиятельности газета «Вашингтон пост» дает предустановку не только постоянным читателям, но и другим средствам массовой информации. При вводе заголовка статьи в поисковую систему обнаруживается до 40–50 запросов с похожим названием. Например, одна из недавно опубликованных статей «The nation’s top spies said Russia is continuing to target the U.S. political system» (Главные разведчики страны сказали, что политическая система США продолжает находиться под прицелом России) (Nakashima 13.02.2018) повторяется в поисковом запросе 21 раз. Некоторые источники, например Storyfa, размещают на своем сайте ссылку на статью, другие, такие как The Denver Post, публикуют статью под другими заголовками, например, «Russia still targeting U.S. political system, spies say» (Политическая система США все еще является мишенью России, говорят шпионы) [The Denver Post. URL: <https://www.denverpost.com/2018/02/13/russia-still-spying-us-political-system/> (дата обращения – 14.02.2018)]. Иные СМИ, например журнал «Time» (Тайм) публикуют более сенсационные заголовки, ссылаясь на те же источники, что и «Вашингтон пост»: «Russia Is Already Trying to Undermine the 2018 Elections, Top Spies Say» (Россия уже пытается подорвать выборы 2018, говорят главные разведчики) (Hennigan 13.02.2018). Мы убеждаемся, что дезинформация облегчается подготовленностью реципиента к ее восприятию.

Эффективному восприятию дезинформации способствует наличие элементов суггестивного воздействия и манипулирования. К факторам внушения относятся описательный характер текста, ритм, повторы, эмоционально окрашенная лексика, эвфемизмы и приемы генерализации, созданные такой единицей вербального уровня, как метонимия. Данный список не является исчерпывающим.

Анализ условий влияния факторов, способствующих внушению, основан на содержательной части, а также на форме медиатекста как ритмической упорядоченности, выявляемой с помощью метода позиционного анализа. Данный метод позволяет определить смысловые позиции и интервалы текста с помощью метроритмической матрицы текста (Г.Г. Москальчук) (Рис. 1) и вычислений отклонения объема структурообразующих элементов, а именно повторов прагматически маркированной лексики, от объема композиционного интервала текста. Исчисляемые позиции, интервалы, объем структурообразующих единиц дают представление о единстве и ритмической упорядоченности медиатекста. Ритм рассматривается как средство, при помощи которого осуществляется передача определенной идеи, смысла сообщения, эмоционального состояния [Бойчук 2014].

Сначала проанализируем медиатексты на наличие установки на внушающее воздействие. Для этого необходимо изучить ритм, созданный прагматически маркированными единицами. Мы будем использовать метод позиционного анализа (Г.Г. Москальчук) [Москальчук 2003] и методику исследования лексических ритмов суггестивного текста, разработанную С.В. Болтаевой [Болтаева 2003]. Методика учитывает статистические данные о частотности употребления слов и опирается на результаты лексико-ритмического анализа, позволяющего выявить прагматически маркированные лексемы и периодичность их чередований. Метод позиционного анализа используется для изучения последовательно разворачивающейся структуры текста и многочисленных связей между позициями внутри одного текста. Исходя из особенностей медиатекста, мы даем следующую характеристику прагматически маркированным лексемам:

- 1) являются полными или вариативными повторами;
- 2) имеют нейтральную или негативную коннотацию;
- 3) часто находятся в дезинформирующем контексте;
- 4) выступают маркерами обобщения;
- 5) принадлежат тематическим группам «хакерство», «разрушение», «Россия», относящимся к мишени ИПВ [Самкова 2017: 88].

Вначале мы вычислим объем текста в словоформах и, исходя из показателей стабильного объема композиционных интервалов [Ронжина 2008: 522], определим количество словоформ в каждом интервале. Далее отметим границы интервалов в тексте. В каждом интервале мы подсчитаем относительный объем прагматически маркированных лексем – лексических единиц с прагматическим компонентом содержания. Последним шагом будет построение графика на основании полученных данных.

Для примера мы возьмем четыре текста. Медиатекст «Russia has developed a cyberweapon that can disrupt power grids, according to new research» (Nakashima 12.06.2017) признан дезинформирующим экспертами службы RT [Fakecheck. URL: <https://fakecheck.rt.com/en/stories/14> (дата обращения – 09.07.2017)]. Медиатекст содержит дезинформацию, потому что в исследовании, на которое ссылается автор, нет указаний на причастность российского правительства к разработке вредоносной программы, а в медиатексте есть. В нем говорится о связи российского правительства с хакерами как о состоявшемся факте: ***Hackers allied with the Russian government have devised a cyberweapon that has the potential to be the most disruptive (Хакеры, связанные с российским правительством, разработали кибероружие, которое обладает большим разрушительным потенциалом).***

Второй медиатекст «Declassified report says Putin ‘ordered’ effort to undermine faith in U.S. election and help Trump» (В рассекреченном докладе утверждается, что Путин «приказал» попытаться подорвать веру в выборы США и помочь Трампу) (Miller, Entous 06.01.2017). В данной статье некорректно утверждалось, что российские хакеры проникли в электроэнергетическую систему США (Russian hackers **had penetrated** the U.S. electric grid). Впоследствии статья была исправлена и размещена заметка редактора о том, что власти пока не подтвердили указанный факт. Была совершена хакерская атака на компьютер в Берлингтон Электрик, но он не был соединен с системой (Authorities say there is no indication of that so far. The computer at Burlington Electric that was hacked was not attached to the grid).

Третий и четвертый медиатексты озаглавлены: «Secret CIA assessment says Russia was trying to help Trump win White House» (В секретном экспертном докладе ЦРУ утверждается, что Россия пытается помочь Трампу выиграть выборы президента США) (Entous, Nakashima, Miller 09.12.2016) и «The nation’s top spies said Russia is continuing to target the U.S. political system» (Главные разведчики страны сказали, что политическая система США продолжает находиться под прицелом России) (Nakashima, Harris 13.02.2018).

Первичный морфологический анализ заголовков показывает, что в первых двух медиатекстах (дезинформирующих) «Russia has developed a cyberweapon that can disrupt power grids, according to new research» и «Declassified report says Putin ‘ordered’ effort to undermine faith in U.S. election and help Trump» используется совершенный вид глагола, который акцентирует внимание на завершенности действия. В двух последующих статьях (не содержащих дезинформацию) «Secret CIA assessment says Russia was trying to help Trump win White House» и «The nation’s top spies said Russia is continuing to target the U.S. political system» используется длительный вид, который обозначает процесс, незавершенное действие и текущее состояние. Наша задача – сопоставить полученные ритмически организованные структуры текста и выявить сходства и отличия. Структура текста выявляется с помощью метроритмической матрицы (Рис. 1).

Таблица 2. Пропорциональный объем прагматически маркированных лексем в интервалах

Заголовки дезинформирующих медиатекстов. В круглых скобках указано общее количество прагматически маркированных лексем	1) Russia has developed a cyberweapon that can disrupt power grids, according to new research (100)					
	2) Declassified report says Putin ‘ordered’ effort to undermine faith in U.S. election and help Trump research (98)					
Интервал	Зачин	Пред-ГЦн	Пост-ГЦн	Пред-ГЦ	Пост-ГЦ	Конец
Стабильный объем композиционных интервалов	0,146	0,09	0,146	0,236	0,236	0,146
Относительный объем нейтральных и положительно окрашенных лексем (Н и ПОЛ)	7/100 +0.07	4 +0.04	9 +0.09	6 +0.06	2 +0.02	1 +0.01
	7/98 + 0.07	6 +0.61	5 +0.05	25 +0.26	14 +0.14	10 +0.1

Относительный объем отрицательно окрашенных лексем (ООЛ)	20 -0.2	7 -0.07	12 -0.12	14 -0.14	11 -0.11	7 -0.07
	10 -0.1	2 -0.02	3 -0.03	8 -0.08	3 -0.03	5 -0.05

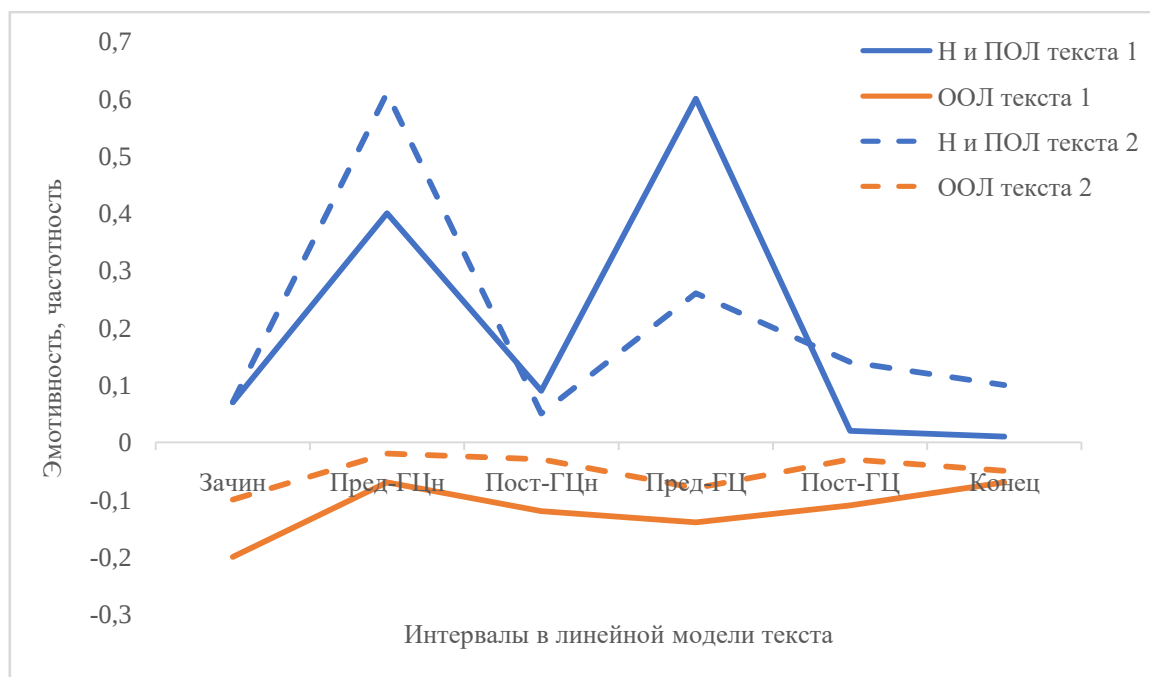

Рис. 2. Пропорциональный объем прагматически маркированных лексем в дезинформирующих медиатекстах

Таблица 3. Пропорциональный объем прагматически маркированных лексем в интервалах

Заголовки медиатекстов, не содержащих дезинформацию. В круглых скобках указано общее количество прагматически маркированных лексем	1) Secret CIA assessment says Russia was trying to help Trump win White House (356) 2) The nation's top spies said Russia is continuing to target the U.S. political system (197)					
Интервал	Зачин	Пред-ГЦн	Пост-ГЦн	Пред-ГЦ	Пост-ГЦ	Конец
Стабильный объем композиционных интервалов	0,146	0,09	0,146	0,236	0,236	0,146

Относительный объем нейтральных и положительно окрашенных лексем (Н и ПОЛ)	55/356 + 0.15	19 +0.05	3 +0.11	58 +0.16	5 +0.15	25 +0.07
	27/197 +0.13	10 +0.05	20 +0.1	28 +0.14	18 +0.09	18 +0.09
Относительный объем отрицательно окрашенных лексем (ООЛ)	2 -0.06	1 -0.03	16 -0.04	28 -0.08	20 -0.06	9 -0.03
	17 -0.09	7 -0.04	13 -0.07	21 -0.1	9 -0.05	9 -0.05

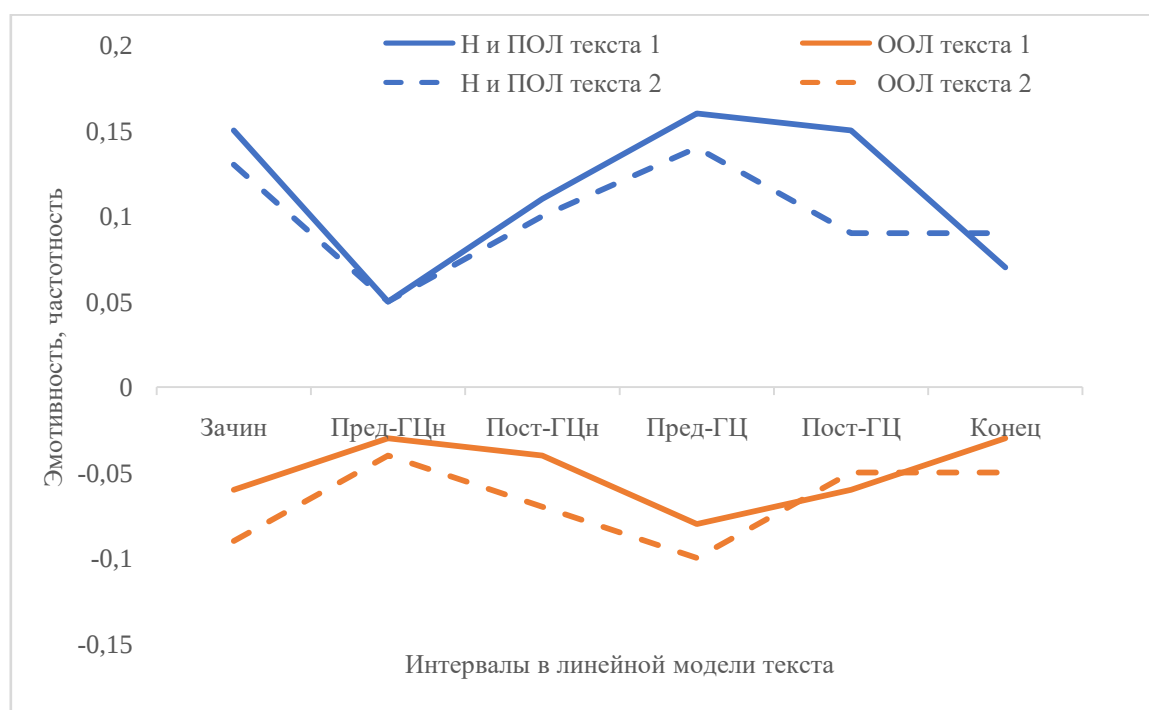

Рис. 3. Пропорциональный объем прагматически маркированных лексем медиатекстов, не содержащих дезинформацию

Наблюдается более гармоничный характер ритмической сочетаемости в текстах, не содержащих дезинформацию, о чем свидетельствуют симметричные графики. Количество нейтральных и положительно окрашенных лексем совпадает с количеством лексем, имеющих негативно оценочную доминанту. Резкое снижение количества первых и увеличение последних наблюдается в интервалах пред-ГЦн и пред-ГЦ. Известно, что данные интервалы «наилучшим образом соответствуют оптимальности восприятия текста» [Москальчук 2003: 149]. Следовательно, авторы как дезинформирующих, так и информирующих медиатекстов стремятся использовать речевую манипуляцию, наличие маркеров речевого воздействия наблюдается в первых двухстах словах текста. Манипуляционный эффект медиатекста усиливается либо фотографией, либо видео, или гипертекстом в данном интервале.

Сопоставим получившиеся графические изображения с выводами о ритме суггестивного текста С.В. Болтаевой. Исследователь отмечает, что «типичными для внушающей речи представляются построения “зеркального” характера» [Болтаева 2003: 15]. На обоих графиках отображен объем прагматически маркированных лексем в каждом интервале. Графики выступают примером зеркальной симметрии относительно оси абсцисс. Наблюдается чередование нейтральных и отрицательно окрашенных лексем, проявляется характер суггестивного текста. Повторы эмоционально-оценочной лексики в сочетании с единицами лексико-семантического поля «Russia» (Россия), расположенные через 50–70 слов, создают устойчивую связь элементов текста, которая становится коммуникативно значимой, то есть имеет семантические последствия, например, появляется возможность неоднозначного понимания медиатекста реципиентом.

Сравним эмоциональную насыщенность дезинформирующих текстов и медиатекстов, не содержащих дезинформацию. В первом тексте, датированным 6 января 2017 года, авторы пишут: *The report released to the public is **an abbreviated version** of a highly classified multiagency assessment requested by President Obama. Even so, it amounts to an extraordinary postmortem of a Russian assault on a pillar of American democracy.* <...> *In the report, the CIA, FBI and Office of the Director of National Intelligence concluded with “high confidence” that **Russian intelligence services** penetrated numerous computer systems tied to U.S. political parties and then “relayed” the email troves to WikiLeaks* (Miller, Entous 06.01.2017). (Обнародованный документ – это **сокращенная версия** секретного межведомственного доклада, запрашиваемого президентом Б. Обамой. **Даже в таком виде, документ представляет собой беспрецедентное разбирательство нападения России на основы американской демократии.** <...> *В своем докладе ЦРУ, ФБР и директор национальной разведки заключили “с высокой степенью уверенности, что **Российские спецслужбы проникли в многочисленные компьютерные системы, связанные с политическими партиями США, и затем “передали” ценные электронные письма**” Викиликс*). Во втором тексте, опубликованном 13 февраля 2018 года, отсутствуют упоминания о хакерской атаке. В медиатексте говорится о попытках России нанести вред политической системе США. Под попытками понимаются пропаганда, ложные персоны и социальные медиа (Nakashima, Harris 13.02.2018). В первом тексте четко прослеживается манипулятивная направленность, тогда как второму тексту характерна информационная направленность.

Сопоставление дезинформирующих медиатекстов с текстами, которые не содержат дезинформацию, показало, что во второй категории текстов состав тематических групп существенно отличается. Например, в дезинформирующих текстах наблюдаются лексемы, относящиеся к тематическим группам, связанным с мишенью ИПВ, и к группам лексики с негативной коннотацией: «вмешательство, подрывная деятельность, разрушение» – 37 %, «Россия» – в среднем 35 % от всех прагматически маркированных лексем, «киберопасность» – 30 %. В медиатекстах, в которых не обнаружена дезинформация, доминирующие тематические группы – это «государство», «США», «политическая система США» – в среднем 30 %, а группы «соперники», «угроза», «хакерская атака» – 7 %. Качественно отличается лексико-грамматический состав текстов. В текстах, содержащих дезинформацию, наблюдается большее число повторов, в основном имен существительных и прилагательных, более экспрессивная лексика, например: *Russia carried out a **comprehensive** cyber campaign to **sabotage** the U.S. presidential election, an operation that was ordered by Russian President Vladimir Putin and **ultimately sought to help** elect Donald Trump, U.S. intelligence agencies concluded in a **remarkably blunt** assessment released Friday* (Россия провела **полномасштабную** кибер-кампанию, чтобы **саботировать** президентские выборы в США, операцию заказал президент России Владимир Путин, его **конечная цель заключается в стремлении помочь** Дональду Трампу победить, такое заключение сделали спецслужбы США в своей **предельно однозначной** экспертизе, опубликованной в

пятницу) (Miller, Entous 06.01.2017). В дезинформирующих текстах использованы модальные глаголы со значением вероятности (can, may, might) и глаголы совершенного вида, например, *And Russian government hackers **have shown** their interest in targeting U.S. energy and other utility systems, researchers said* (И хакеры российского правительства **продемонстрировали** свой интерес к энергетическим и инженерно-техническим системам, утверждают исследователи) [Nakashima 12.06.2017]. В текстах, не содержащих дезинформацию, используется менее экспрессивная лексика, а также глаголы в длительном аспекте: *The nation's top intelligence chiefs were united Tuesday in declaring that Russia **is continuing** efforts to disrupt the U.S. political system and **is targeting** the 2018 midterm elections, **following** its successful operation to sow discord in the most recent presidential campaign* (Встретившись во вторник, главы национальной разведки сошлись во мнении, что Россия **продолжает** вмешиваться в политическую систему США и **нацеливается** на промежуточные выборы в 2018 году, **после** успешной операции по внесению разногласий в недавнюю президентскую кампанию) (Nakashima, Harris 13.02.2018). Отметим, что в текстах, опубликованных в 2018 году, практически отсутствуют такие словосочетания, как *российские хакеры, кибератака и киберкампания*, а присутствуют эвфемизмы, индивидуально-контекстные замены – нейтральные по смыслу и эмоциональной нагрузке слова, например, effort (попытка), operation (операция): *Coats said that Russia will continue using propaganda, false personas and social media to undermine the upcoming election. "There should be no doubt that Russia perceives its past **efforts**" to disrupt the 2016 presidential campaign "as successful and views the 2018 midterm elections as a potential target for Russian influence operations," said Coats* (Коатс сказал, что Россия продолжит использовать пропаганду, ложных персон и социальные медиа, чтобы дестабилизировать предстоящие выборы. "Не должно быть никаких сомнений, что Россия воспринимает свои прошлые **попытки**" подорвать президентскую кампанию 2016 года "как успешные и рассматривает промежуточные выборы как потенциальную цель для российских операций вмешательства" – говорит Коатс).

В данной выборке мы изучили частоту лексем. В исследуемой выборке сокращения типа *it's* и *they've* считались как две разные лексемы *it is* и *they have*. Статистические показатели, части речи частотных лексических единиц позволили определить тип текста, в основном рассуждение или описание. В английском языке для определения части речи необходимо обращать внимание на контекст, на синтаксическую функцию слова. Например, слово *that* может выступать как союз (1), местоимение (2), прилагательное (3). Данное слово также может быть наречием.

(1) ...one of the first known cyberattacks **that** resulted in an electrical power outage...

(2) **That** is a milestone in itself...

(3) The firm dubbed **that** group SandWorm.

Морфологическая характеристика слов указывает на то, что дезинформирующие тексты относятся к типу «описание»: в них преобладают имена существительные (нарицательные и собственные) и прилагательные в сравнительной и превосходной степени. В дезинформирующем медиатексте (Nakashima 12.06.2017) также есть элементы рассуждения, на что указывает наличие в ряде утверждений модальных глаголов «can» и «may», обозначающих вероятность. Данный текст насыщен определительными придаточными предложениями с союзным словом *that* (который) и местоимением *which* (который). В придаточных предложениях автор объясняет значение абстрактных существительных *cyberweapon* (кибероружие), *malware* (вредоносная программа), *hackers* (хакеры). Словосочетанием *the same Russian group* (та же самая российская группа) описывается группа хакеров из России, которые отключили электричество в Украине в 2015 году. По утверждению автора медиатекста, целью этой группы была система промышленного регулирования США в 2014.

В дезинформирующих медиатекстах отмечено частое использование неопределенных артиклей. В тексте редки упоминания отдельных личностей, в основном используется прием генерализации,

например, the individuals said (сказали отдельные личности), Federal investigators (правительственные следователи), Prosecutors and FBI agents (прокуроры и агенты ФБР) (Nakashima 02.11.2017).

К элементам речевой манипуляции в медиатекстах отнесем: эмоционально окрашенную лексику, например, Putin **‘ordered’ effort to undermine faith** in US election (Путин «**приказал**» **подорвать веру** в американские выборы), the campaign initially sought to **“denigrate”** Democratic presidential candidate Hillary Clinton (изначально кампания была ориентирована на то, чтобы «**очернить**» Хилари Клинтон, кандидата от демократической партии) (Miller, Entous 06.01.2017). Эмоционально окрашенная лексика с негативно оценочной доминантой обычно помещается в контекст с единицами лексико-семантического поля «Russia» (Россия) и «Russian government» (российское правительство). Лексемы осуществляют метонимический механизм, структурирующий мышление посредством негативных коннотаций, вызывающих ложные ассоциации: **the Kremlin** was behind the operation (**Кремль** стоял за этой операцией), what **Moscow** did to influence (что делала **Москва**, чтобы повлиять). В изучаемых медиатекстах используется пространственная метонимия: действия приписываются месту, в котором находятся люди, совершающие действия. Пространственную метонимию используют в медиатекстах, чтобы «указать на референта не прямо, а опосредованно, чтобы не индивидуализировать его» [Бадеева 2004: 23]. Исследователь отмечает, что метонимическая номинация способствует искажению информации и обезличиванию референтов вследствие смещения акцента [Бадеева 2004] на топонимы (Вашингтон, Москва), в том числе на прецедентные топонимы (Белый дом, Кремль) как неотъемлемую часть фоновых знаний читателей. В дезинформирующем медиатексте метонимия выполняет прагматическую функцию, являясь «мощным средством формирования у адресата необходимого говорящему (журналисту) эмоционального состояния и мировосприятия» [Чудинов 2001: 48], и инструментальную функцию: метонимия помогает домысливать информацию и создавать собственную картину происходящего.

Укажем на факты, которые косвенно причастны к рассматриваемой ситуации, например, *The intelligence assessment also drew the most direct line to date between Putin’s desire to aid Trump’s campaign and Russia’s policies and objectives in Syria and Ukraine* (Доклад разведки также указал на прямую связь между желанием Путина помочь кампании Трампа и российской линией поведения в Сирии и Украине). *In some ways, Russia’s intervention in the 2016 election is consistent with a long-standing pattern that traces back to the Soviet Union of espionage against prominent politicians and policymakers in the United States* (В какой-то мере вмешательство России в выборы 2016 года согласуется с многолетним сценарием, который прослеживался еще в Советском Союзе, шпионажем за влиятельными политиками и руководителями в США) (Miller, Entous 06.01.2017). Помимо этого, в медиатекстах были упомянуты Панамский архив и допинговый скандал. Объединенные в одном тексте, отрицательные факты дискредитируют Россию, что существенно влияет на восприятие медиатекста реципиентом.

Примечательно то, что грамматический состав всех проанализированных текстов совпадает с составом суггестивных текстов в целом (С.В. Болтаева, Л.С. Выготский, Г.А. Гончаров, О.А. Коломийцева, Е.В. Медведева, А.Е. Наговицина, И.Ю. Черепанова, Е.В. Шелестюк): в них преобладают имена существительные и местоимения, имена прилагательные и наречия, выражающие оценку.

4. Заключение

Анализ медиатекстов позволил заключить следующее: к лингвистическому приему, реализующему стратегию дезинформации, относится использование эвфемизмов, например, контекстная замена слова «hacking» на слово «meddling» в следующем высказывании: «there is “no single agency in charge” of blocking Russian meddling» (ни одно ведомство не ответственно за предотвращение вмешательства России); метонимии: the Kremlin, Moscow; слов и конструкций со

значением генерализации: some (некоторые, некие), nation (нация), individuals with connections to the Russian government (лица, связанные с российским правительством), cyberweapon (кибероружие), malware (вредоносная программа). Для манипуляции восприятием смысла высказывания в дезинформирующих текстах автор прибегает к лексико-грамматическим и лексико-семантическим средствам: повторам и негативно оценочной лексике. Экспрессивность и эмоциональная (в основном, негативная) окрашенность усиливает суггестивный эффект. Речевая манипуляция происходит благодаря упоминанию имен авторитетных экспертов; использованию антропонимов: CrashOverride, Electrum, Sandworm, Stuxnet. К морфо-синтаксическим особенностям медиатекста относятся частое использование личных местоимений, преобладание глаголов совершенного вида и именного стиля. Латентное воздействие осуществляется при помощи имен прилагательных, которые выражают отношение журналистов к рассматриваемым событиям.

В основе структурной организации дезинформирующего медиатекста лежат ритмизация и гипертекстуальность. Гипертекст создает пространство образов и мнений, выгодных актору и в данном случае приводящих к отрицательному настрою англоязычных читателей по отношению к России. Ритм играет ключевую роль в оказании суггестивного воздействия. Методика выявления ритмов медиатекста на лексическом уровне актуализирует его скрытые смыслы. Подсчет частотности слов и позиционный анализ, опирающийся на основные положения лингвистики текста, помогают выявить ключевые слова, которые в данной работе обозначаются как прагматически маркированные лексемы. Они принадлежат тематическим группам, относящимся к мишени ИПВ.

Современная журналистика прибегает к разнообразным приемам манипулирования и суггестивного воздействия в медиатекстах, содержащих дезинформирующие сведения – искаженные, ненужные или неполные сведения, которые соответствует мировоззрению, опыту, или эмоциональным предпочтениям реципиента и формируют его мнение. Искажённые сведения и ссылки на анонимные источники – наиболее частые приемы, к которым прибегает актор с целью повлиять на общественное мнение. В перспективе мы планируем провести регрессионный анализ изученных приемов с целью определения степени их воздействия на восприятие событий, происходящих во время ИПВ.

Литература

- Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: учебник для вузов. М.: ЮНИТИ, 2000. 551 с.
- Бадеева Е.Я. Метонимия имени в общественно-политической лексике английского языка: когнитивный и прагматический аспекты: автореф. дис.... канд. филол. наук. Владивосток, 2004. 25 с.
- Бойчук Е.И. Ритм художественного текста как средство суггестивного воздействия // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 2. Том I. С. 129–133.
- Болтаева С.В. Ритмическая организация суггестивного текста: автореф. дис.... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 24 с.
- Гарифуллин Р.Р. Психология политического блефа [Электронный ресурс]. URL: <http://kitap.net.ru/garifullin/4.php> (дата обращения – 10.05.2018)
- Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс: монография. М.: Едиториал УРСС, 2003. 296 с.
- Ронжина Я.Н. Образ как единица анализа и интерпретации текста // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Сборник статей участников IV международной научной конференции 25–26 апреля 2008 года. Том 1. С. 520–524.
- Самкова М.А. Воздействие ритма на восприятие дезинформирующего контекста // Профессиональный проект: идеи – технологии – результаты. 2017. № 3 (28). С. 87–92.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000): монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2001. 238 с.

Breiner J. Inside The Washington Post's winning business model. 13.01.2017. Ijnet. URL: <https://ijnet.org/en/blog/inside-washington-posts-winning-business-model> (дата обращения – 21.01.2018)

Grant N. Disinformation // National Review, 1960, pp. 41–48.

Fakecheck. URL: <https://fakecheck.rt.com/en/stories/14> (дата обращения – 09.07.2017)

Loftus E.F. Planting misinformation in the human mind: A 30-year investigation of the malleability of memory // Learning and Memory. 2005, no 12, pp. 361–366.

U.S. Relations With Russia. URL: <https://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/3183.htm> (дата обращения – 11.03.2018)

Словари

Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога. 2-е изд. СПб.: Питер, 2006. 526 с.

Большой толковый словарь русского языка / Ред. Кузнецов С.А. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

Большой толковый социологический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/gExwKA> (дата обращения – 10.05.2018)

Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedu.ru/bigencdic/17815/> (дата обращения – 10.05.2018)

Борисов А.Б. Большой экономический словарь. М.: Книжный мир, 2003. 895 с.

Военно-юридический энциклопедический словарь / Под общ. ред. А.В. Кудашкина, К.В. Фатеева. М.: За права военнослужащих, 2008. 368 с.

Война и мир в терминах и определениях / под общ. ред. Д. О. Рогозина. М.: ПоРог, 2004. 624 с.

Давлетчина С.Б. Словарь по конфликтологии. Улан-Удэ: ВСГТУ, 2005. 100 с.

Епишкин Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка [Электронный ресурс]. М.: Словарное издательство ЭТС, 2010. URL: http://www.ets.ru/pg/r/dict/gall_dict.htm (дата обращения – 10.05.2018)

Краткий словарь оперативно-тактических и общевоенных слов (терминов). Военное издательство Министерства обороны СССР, 1958. 323 с.

Краткий словарь-справочник по психологии [Электронный ресурс]. М.: Изд-во РУДН, 2004. URL: <http://vocabulary.ru/termin/effekt-dezinformacii.html> (дата обращения – 10.05.2018)

Краткий философский словарь [Электронный ресурс]. URL: http://platona.net/board/filosofskij_slovar/dezinformacija/1-1-0-118 (дата обращения – 10.05.2018)

Пограничный словарь. М.: Академия Федеральной ПС РФ, 2002. 260 с.

Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь [Электронный ресурс]. 6-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2011. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_67315/ebcdcb7effcc3f06e0d503638ac621de877fc554/ (дата обращения – 10.05.2018)

Санжаревский И.И. Политическая наука: словарь-справочник [Электронный ресурс]. 6-е, испр. и доп. 2016. URL: <http://glos.virmk.ru/> (дата обращения – 10.05.2018)

Словарь бизнес-терминов. Академик.ру [Электронный ресурс]. 2001. URL: <http://sbiblio.com/biblio/content.aspx?dictid=172&wordid=1265091> (дата обращения – 10.05.2018)

Словарь военных терминов [Электронный ресурс]. М.: Воениздат Сост. А.М. Плехов, С.Г. Шапкин. 1988. URL: <http://enc-dic.com/military/Dezinformacija-2298.html> (дата обращения – 10.05.2018).

Словарь русского языка [Электронный ресурс]: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encys.htm> (дата обращения – 10.05.2018)

Словарь терминов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economicportal.ru/term-words/word-d1.html#d63> (дата обращения – 10.05.2018)

Советский энциклопедический словарь / глав. ред. Прохоров А.М. 4-е, испр. и доп. М.: Советская Энциклопедия, 1989–1990. 1632 с.

Финансовый словарь [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/fin_enc/?f=0JTQktCe0Jk=&t=0JTQtdC/0L4=&nt=194&p=1 (дата обращения – 10.05.2018)

Энциклопедический словарь экономики и права on-line. Академик.ру [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_economic_law/?f=0JTQkNCg0J4=&t=0JTQldC/d0JU=&nt=232&p=2 (дата обращения – 10.05.2018)

EdwART. Толковый военно-морской словарь [Электронный ресурс]. 2010. URL: <http://sbiblio.com/biblio/content.aspx?dictid=151&wordid=1189048> (дата обращения – 10.05.2018)

References

Antsupov A.Ya., Shipilov A.I. *Konfliktologiya [Conflictology]: textbook*. Moscow, YuNITI Publ., 2000. 551 p.

Badeeva E.YA. *Metonimiya imeni v obshhestvenno-politicheskoy leksike anglijskogo yazyka: kognitivnyj i pragmaticheskij aspekty [Metonymy name in the social and political vocabulary of the English language: cognitive and pragmatic aspects]: published summary of a dissertation*. Vladivostok, 2004. 25 p.

Bojchuk E.I. *Ritm khudozhestvennogo teksta kak sredstvo suggestivnogo vozdejstviya [Rhythm of artistic text as a means of suggestive effect]*. *YAroslavskij pedagogicheskij vestnik*, 2014, no 2, vol. I, pp. 129–133.

Boltaeva S.V. *Ritmicheskaya organizatsiya suggestivnogo teksta [Rhythmic organization of suggestive text]: published summary of a dissertation*. Ekaterinburg, 2003. 24 p.

Garifullin R.R. *Psikhologiya politicheskogo blefa [The psychology of political bluff]*. Available at: <http://kitap.net.ru/garifullin/4.php> (accessed 10.05.2018)

Moskal'chuk G.G. *Struktura teksta kak sinergeticheskij protsess [Text structure as a synergistic process]: monograph*. Moscow: Editorial URSS Publ., 2003. 296 p.

Ronzhina YA.N. *Obraz kak edinita analiza i interpretatsii teksta [Image as a unit of analysis and interpretation of text]*. *Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektakh [Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects]*. Proceedings of IV international scientific conference, 2008, vol. 1, pp. 520–524.

Samkova M.A. *Vozdejstvie ritma na vospriyatie dezinformiruyushhego konteksta [Impact of rhythm on perception of misinforming context]*. *Professional'nyj proekt: idei – tekhnologii – rezul'taty*, 2017, no 3 (28), pp. 87–92.

Chudinov A.P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991 – 2000) [Russia in metaphorical mirror: Cognitive study of Political metaphor (1991 – 2000)]*: monograph. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2001. 238 p.

Breiner J. *Inside The Washington Post's winning business model*. 13.01.2017. Ijnet. Available at: <https://ijnet.org/en/blog/inside-washington-posts-winning-business-model> (accessed 21.01.2018)

Grant N. *Disinformation*. *National Review*, 1960, pp. 41–48.

Fakecheck. Available at: <https://fakecheck.rt.com/en/stories/14> (accessed 09.07.2017)

Loftus E.F. Planting misinformation in the human mind: A 30-year investigation of the malleability of memory. *Learning and Memory*, 2005, no 12, pp. 361–366.

U.S. Relations With Russia. Available at: <https://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/3183.htm> (accessed 11.03.2018)

Dictionaries

Antsupov A.Ya., Shipilov A.I. Slovar' konfliktologa [Conflictologist dictionary]. 2-e izd. SPb., Piter Publ., 2006. 526 p.

Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Great Dictionary of the Russian language] / Red. Kuznetsov S.A. SPb., Norint, 2000. 1536 p.

Bol'shoy tolkovyy sotsiologicheskii slovar' [Great explanatory sociological dictionary]. Available at: <https://goo.gl/gExwkA> (accessed 10.05.2018)

Bol'shoy entsiklopedicheskii slovar' [Great encyclopedic dictionary]. Available at: <https://www.vedu.ru/bigencdic/17815/> (accessed 10.05.2018)

Borisov A.B. Bol'shoy ekonomicheskii slovar' [Great encyclopedic dictionary]. Moscow, Knizhnyy mir Publ., 2003. 895 p.

Voenno-yuridicheskii entsiklopedicheskii slovar' [Military-legal encyclopedic dictionary] / Pod obshch. red. A.V. Kudashkina, K.V. Fateeva. Moscow, Za prava voennosluzhashchikh Publ., 2008. 368 p.

Voyna i mir v terminakh i opredeleniyakh [War and peace in terms and definitions] / pod obshch. red. D. O. Rogozina. Moscow, PoRog Publ., 2004. 624 p.

Davletchina S.B. Slovar' po konfliktologii [Davletchina S.B. Dictionary of conflictology]. Ulan-Ude, VSGTU Publ., 2005. 100 p.

Epishkin N.I. Istoricheskii slovar' gallitsizmov russkogo yazyka [Epishkin N.I. Historical Dictionary of the Gallicisms of the Russian Language]. Moscow, Slovarnoe izdatel'stvo ETS Publ., 2010. Available at: http://www.ets.ru/pg/r/dict/gall_dict.htm (accessed 10.05.2018)

Kratkiy slovar' operativno-takticheskikh i obshchevoennykh slov (terminov) [A brief dictionary of operational-tactical and all-war words (terms)]. Voennoe izdatel'stvo Ministerstva oborony SSSR, 1958. 323 p.

Kratkiy slovar'-spravochnik po psikhologii [A short dictionary-reference book on psychology]. Moscow, Izd-vo RUDN Publ., 2004. Available at: <http://vocabulary.ru/termin/effekt-dezinformacii.html> (accessed 10.05.2018)

Kratkiy filosofskii slovar' [Brief philosophical dictionary]. Available at: http://platona.net/board/filosofskij_slovar/dezinformacija/1-1-0-118 (accessed 10.05.2018)

Pogranichnyy slovar' [A boundary dictionary]. Moscow, Akademiya Federal'noy PS RF Publ., 2002. 260 p.

Rayzberg B.A., Lozovskiy L.Sh., Starodubtseva E.B. Sovremennyy ekonomicheskii slovar' [Modern economic dictionary]. 6 ed., updated and revised. Moscow, INFRA-M Publ., 2011. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_67315/ebcdcb7effcc3f06e0d503638ac621de877fc554/ (accessed 10.05.2018)

Sanzharevskiy I.I. Politicheskaya nauka: slovar'-spravochnik [Political science: dictionary]. 6 ed., updated. 2016. Available at: <http://glos.virmk.ru/> (accessed 10.05.2018)

Slovar' biznes-terminov [Dictionary of business terms]. Akademik.ru. 2001. Available at: <http://sbiblio.com/biblio/content.aspx?dictid=172&wordid=1265091> (accessed 10.05.2018)

Slovar' voennykh terminov [Dictionary of military terms]. Moscow, Voenizdat Sost. A.M. Plekhov, S.G. Shapkin. 1988. Available at: <http://enc-dic.com/military/Dezinformacija-2298.html> (accessed 10.05.2018)

Slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t [Dictionary of the Russian language: In 4 volumes]. / RAN, In-t lingvistich. issledovaniy; Pod red. A. P. Evgen'evoy. 4-e ed, ster. Moscow, Rus. yaz.; Poligrafresursy Publ., 1999. Available at: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm> (accessed 10.05.2018)

Slovar' terminov [Glossary]. Available at: <http://www.economicportal.ru/term-words/word-d1.html#d63> (accessed 10.05.2018)

Sovetskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Soviet Encyclopedic Dictionary] / Prokhorov A.M. (Editor-in-chief) 4 ed., updated and revised. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1989–1990. 1632 p.

Finansovyy slovar' [Financial Dictionary]. Available at: https://dic.academic.ru/contents.nsf/fin_enc/?f=0JTQktCe0Jk=&t=0JTQtdC/0L4=&nt=194&p=1 (accessed 10.05.2018)

Entsiklopedicheskiy slovar' ekonomiki i prava on-line [Encyclopedic Dictionary of Economics and Law on-line]. Akademik.ru. Available at: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_economic_law/?f=0JTQkNCg0J4=&t=0JTQldCd0JU=&nt=232&p=2 (accessed 10.05.2018)

EdwART. Tolkovyy voenno-morskoy slovar' [EdwART. Explanatory naval dictionary]. 2010. Available at: <http://sbiblio.com/biblio/content.aspx?dictid=151&wordid=1189048> (accessed 10.05.2018)

Фактический материал

Entous A., Nakashima E., Miller G. Secret CIA assessment says Russia was trying to help Trump win White House. 09.12.2016. *The Washington Post*. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/obama-orders-review-of-russian-hacking-during-presidential-campaign/2016/12/09/31d6b300-be2a-11e6-94ac-3d324840106c_story.html?utm_term=.fe862c1755b5 (дата обращения – 20.12.2017)

Hennigan W.J. Russia Is Already Trying to Undermine the 2018 Elections, Top Spies Say. Обновлено 13.02.2018. *Time*. URL: <http://time.com/5155810/russian-meddling-2018-elections/> (дата обращения – 14.02.2018)

Miller G., Entous A. Declassified report says Putin ‘ordered’ effort to undermine faith in U.S. election and help Trump. 06.01.2017. *The Washington Post*. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/intelligence-chiefs-expected-in-new-york-to-brief-trump-on-russian-hacking/2017/01/06/5f591416-d41a-11e6-9cb0-54ab630851e8_story.html?utm_term=.632c8916c679 (дата обращения: 21.10.2017)

Nakashima E. Russian hackers use ‘zero-day’ to hack NATO, Ukraine in cyber-spy campaign. 13.10.2014. *The Washington Post*. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/russian-hackers-use-zero-day-to-hack-nato-ukraine-in-cyber-spy-campaign/2014/10/13/f2452976-52f9-11e4-892e-602188e70e9c_story.html?utm_term=.dc1631eddd3f (дата обращения: 21.10.2017)

Nakashima E. Russian hackers suspected in attack that blacked out parts of Ukraine. 05.01.2016. *The Washington Post*. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/russian-hackers-suspected-in-attack-that-black-out-parts-of-ukraine/2016/01/05/4056a4dc-b3de-11e5-a842-0feb51d1d124_story.html?utm_term=.f3232a6f0936 (дата обращения – 21.10.2017)

Nakashima E. Russia has developed a cyberweapon that can disrupt power grids, according to new research. 12.06.2017. *The Washington Post*. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/russia-has-developed-a-cyber-weapon-that-can-disrupt-power-grids-according-to-new-research/2017/06/11/b91b773e-4eed-11e7-91eb-9611861a988f_story.html (дата обращения – 09.07.2017)

Nakashima E. Russia denies DNC hack and says maybe someone ‘forgot the password’. 14.06.2016. *The Washington Post*. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/russian-government-hackers-penetrated-dnc-stole-opposition-research-on-trump/2016/06/14/cf006cb4-316e-11e6-8ff7-7b6c1998b7a0_story.html?utm_term=.4abbb8c00e51 (дата обращения – 14.02.2018)

Nakashima E. U.S. investigators have identified Russian government hackers who breached the DNC. 02.11.2017. *The Washington Post*. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/prosecutors-have-identified-russian-government-hackers-who-breached-the-dnc/2017/11/02/f38b9b18-bfd3-11e7-8444-a0d4f04b89eb_story.html?utm_term=.2ab750c58f55 (дата обращения – 20.12.2017)

Nakashima E., Harris S. The nation's top spies said Russia is continuing to target the U.S. political system. 13.02.2018. *The Washington Post*. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/fbi-director-to-face-questions-on-security-clearances-and-agents-independence/2018/02/13/f3e4c706-105f-11e8-9570-29c9830535e5_story.html?utm_term=.ff4518bd99e6 (дата обращения – 14.02.2018)

Roth A. Russia denies DNC hack and says maybe someone 'forgot the password'. 15.06.2016. *The Washington Post*. URL: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2016/06/15/russias-unusual-response-to-charges-it-hacked-research-on-trump/?utm_term=.b7f3232daf57 (дата обращения – 14.02.2018)

The Denver Post. URL: <https://www.denverpost.com/2018/02/13/russia-still-spying-us-political-system/> (дата обращения – 14.02.2018)

Vitkovskaya J., Granados S., Muyskens J. The Post's new findings in Russia's bold campaign to influence the U.S. election. Обновлено 11.07.2017. *The Washington Post*. URL: <https://www.washingtonpost.com/graphics/2017/world/national-security/russia-hacking-timeline/> (дата обращения – 12.01.2018)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Самкова Мария Андреевна; канд. филол. наук; доцент кафедры теории и практики английского языка Челябинский государственный университет
Россия, 454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129
E-mail: _degi_@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Samkova Maria Andreevna; Candidate of Philological Sciences; Associate Professor at the Department of Theory and Practice of the English Language.
Chelyabinsk State University
129 Bratiev Kashirinykh st., Chelyabinsk 454001 Russia
E-mail: _degi_@mail.ru